

Internationaler Verband der deutschen Kultur

Internationale Assoziation der Forscher
der russlanddeutschen Geschichte und Kultur

Zentrum für Forschung der russlanddeutschen
Geschichte und Kultur an der Historischen Fakultät
der Saratower staatlichen Universität Saratower Filiale
des Instituts für allgemeine Geschichte der Russischen
Akademie der Wissenschaften

Международный союз немецкой культуры

Международная ассоциация исследователей
истории и культуры российских немцев

Центр изучения истории и культуры
немцев России исторического факультета
Саратовского государственного университета,
Саратовского филиала Института всеобщей истории
Российской Академии Наук

**DIE DEUTSCHEN RUSSLANDS:
HISTORISCHE ERFAHRUNG UND
GEGENWÄRTIGE PROBLEME
DER SELBSTORGANISATION**

VORTRÄGE DER INTERNATIONALEN
WISSENSCHAFTLICHEN KONFERENZ
MOSKAU, 29.-30. OKTOBER 2007

**НЕМЦЫ РОССИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
САМООРГАНИЗАЦИИ**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОСКВА, 29-30 ОКТЯБРЯ 2007 Г.

„ИВК-МЕДИЯ“
«МШК-ПРЕСС»
2008

Е. В. Лебедева
(Санкт-Петербург)

Самоорганизация немецкого населения российских городов в XVIII – начале XX в. (на примере Москвы и Санкт-Петербурга)¹

При изучении этнических групп на современном этапе большое внимание уделяется самоорганизации как одному из основных факторов, способствующих их сохранению в качестве самобытных общностей и сдерживанию ассимиляционных процессов. Наличие организационных структур многие исследователи проблемы считают ведущим признаком диаспоры, определяемой в одной из работ как устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины и имеющая социальные институты, обеспечивающие развитие и функционирование данной общности². В целом под самоорганизацией этнической группы понимается создание сети добровольных организаций, дополняющих в своей деятельности государственные органы в принимающей стране и выполняющих, в частности, такие задачи, как поддержание духовной культуры, сохранение родного языка, этнического самосознания, обеспечение

социальной защиты и прав членов диаспоры, лоббирование ее политических интересов и содействие развитию ее экономической базы³.

В среде немецкого населения российских городов процесс формирования организационных структур диаспоры интенсивно шел по мере увеличения его численности начиная со второй половины XVIII в. Переселяясь в другую страну, уроженцы германских государств приносили с собой традиционные для своей родины формы самоорганизации, бывшие новым явлением для России, где в силу замедленных темпов и экстенсивного характера урбанизации, подавляющего главенства государства во всех сферах жизни, слабости городской субкультуры внешние условия вплоть до периода буржуазных реформ второй половины XIX в. не благоприятствовали появлению независимых общественных объединений, что определяло большое значение опыта немецкой диаспоры для принимающего общества.

Общественная жизнь немцев во всем ее многообразии может быть представлена на примере столичных городов – Санкт-Петербурга и Москвы, являвшихся в XVIII–XIX вв. основными центрами притяжения для тысяч немецких предпринимателей, ремесленников, представителей технической, творческой, научной интеллигенции, решивших связать свою судьбу с Россией. На начало XX в. в Санкт-Петербурге проживали более 40 тыс. немцев, из которых около 30 тыс. являлись подданными Российской империи, а остальные сохраняли подданство своей первой родины; численность немецкого населения Москвы составляла более 20 тыс. человек (из них около 13 тыс. – российские подданные). В обеих столицах существовало большое количество союзов, обществ и объединений, имевших различные задачи и ориентированных на разные социальные группы в составе немецкой диаспоры.

Наиболее значимым направлением самоорганизации городского немецкого населения являлось создание эффективно действовавшей на протяжении полутора столетий, независимой от государства системы социальной поддержки, представленной множеством благотворительных организаций.

Первые из таких объединений возникли под покровительством лютеранской церкви, к которой принадлежало подавляющее большинство московских и петербургских немцев. Их деятельность ограничивалась рамками конкретного церковного прихода и состояла в организации оказания помощи нуждающимся членам общины со стороны более обеспеченных прихожан. Так, крупнейшая в Санкт-Петербурге лютеранская община церкви Св. Петра уже в 60-е гг. XVIII в. начала проводить сбор средств в пользу учеников приходской школы; ее примеру последовали и другие приходы, организовав «школьные общества», поддержка которых давала возможность получать образование детям бедных прихожан. В 1785 г. при приходе церкви Св. Анны был открыт первый в России евангелический сиротский приют. В 1843 г. при церкви Св. Петра был официально зарегистрирован «Союз помощи беднякам»; при храмах Св. Анны и Св. Екатерины действовали по два общества попечения о бедных, одно из которых оказывало помощь мужчинам, другое – женщинам⁴. В Москве в 1847 г. было открыто «Попечительство о бедных евангелического исповедания», деятельность которого поддерживалась совместными усилиями прихожан трех крупнейших евангелических церквей города – Св. Михаила, Св. Петра и Павла и реформатской. Руководство приходскими благотворительными союзами осуществлялось выборными комитетами, членство в которых было связано с большим общественным престижем. Работа таких союзов способствовала сплочению и внутренней спаянности церковных общин и являлась показателем высокой степени взаимной социальной ответственности прихожан.

Во второй половине XIX в. наметилась тенденция к возникновению благотворительных организаций, деятельность которых, с одной стороны, выходила за рамки отдельного прихода, а с другой стороны – была нацелена, помимо оказания помощи, на укрепление религиозного единства членов диаспоры.

Крупнейшей из организаций такого рода в Санкт-Петербурге являлась основанная в 1875 г. по инициативе пастора реформатской церкви Г. Дальтона «Евангелическая

городская миссия» (с 1891 г. – «Евангелическое общество религиозного и нравственного попечения»), работа которой строилась по образцу аналогичных объединений, существовавших в Германии. Обществом содержались около двадцати благотворительных заведений, среди которых были ночлежный дом для подмастерьев, три приюта для гувернанток, «Дом моряков», тринадцать воскресных школ. При этом свою задачу руководители организации видели как в оказании нуждающимся материальной поддержки, так и в заботе об их нравственности. Многочисленные волонтеры – члены общества, подготовленные специально приглашавшимися из Германии наставниками – выполняли роль духовных пастырей, проповедуя среди находившихся в госпиталях, богадельнях, тюрьмах в стремлении вернуть в лоно церкви всех, кто отдалился от нее⁵. В 1881 г. подобная организация – «Евангелическое миссионерское общество» – появилась и в Москве, в 1897 г. в рамках ее работы был организован приют для бездомных, а в 1904 г. – приют для престарелых.

Еще одну категорию создававшихся под эгидой церкви общественных объединений, соединявших в себе благотворительную и духовную функции, составляли молодежные союзы, привлекавшие в свои ряды молодых людей преимущественно из торговой и ремесленной среды и имевшие целью укрепление их в ценностях лютеранской веры. Одной из причин создания молодежных союзов было беспокойство церкви по поводу роста числа смешанных русско-немецких браков. Менее активно велась работа по созданию таких объединений среди женской части немецкого населения, образ жизни которой в силу своей замкнутости и узости сферы социальных контактов давал мало оснований для подобной озабоченности. Тем не менее, во второй половине XIX в. в Санкт-Петербурге и в Москве действовало несколько женских евангелических союзов.

Среди благотворительных инициатив прихожан лютеранских храмов необходимо особенно выделить такие, которые были направлены не столько на решение внутренних проблем немецкой диаспоры, сколько на объединение ее представителей вокруг проектов большой общественной значимости.

Так, например, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Санкт-Петербурге было основано благотворительное общество под названием «Евангелический полевой лазарет». Руководство обществом осуществлял совет, куда входили пасторы всех евангелических храмов города, а также многие известные деятели из числа петербургских немцев. На собранные обществом средства было построено одиннадцать фронтальных госпиталей в районе боевых действий на Дунае. Общество продолжило свою работу и после окончания войны, сосредоточившись на оказании помощи вдовам и сиротам погибших солдат и офицеров немецкого происхождения. Во время неурожая 1880 г. оно занималось организацией продовольственного обеспечения немецкого населения Поволжья. В 1907 г., когда в этом регионе вновь свирепствовал голод, было принято решение предоставлять продовольствие всем нуждающимся, независимо от национальной и религиозной принадлежности⁶.

Наряду с благотворительными заведениями, работавшими под руководством церкви, существовало большое количество светских учреждений такого рода.

В частности, в целом ряде российских городов возникли организации, ставившие своей целью поддержку немцев, которые, живя в России, оставались подданными германских государств. Крупнейшей из них являлось «Германское благотворительное общество», основанное в 1842 г. в Санкт-Петербурге. Сохранившийся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга фонд этого общества, насчитывающий более 90 единиц хранения, дает возможность составить детальное представление о его деятельности⁷.

Цель общества, согласно его Уставу, состояла в том, чтобы «оказывать вспомоществование находящимся в С.-Петербурге подданным Германских государств»⁸. В соответствии с данной задачей правлением общества были разработаны конкретные формы материальной поддержки неимущих сограждан. Наиболее простой из них были периодические выплаты денег нуждающимся (ежемесячные либо по мере необходимости). Судя по отчетам общества, за вторую четверть века его существования (с 1867 г. по 1892 г.) было произведено более 50 тысяч таких выплат на общую сумму, превышавшую 200 тыс. руб.⁹ Вновь приезжавшим общество оплачивало оформление документов, дававших право на пребывание в России, а возвращавшихся на родину снабжало средствами на обратный путь. В 1880 г. в его работе появилось такое направление, как предоставление «дешевых квартир»: в снимаемой обществом квартире размещались по несколько человек в комнате те, кто не мог оплачивать отдельное жилье. С целью обеспечения нуждавшихся в заработке работой обществом в 1845 г. была открыта швейная мастерская. К началу 1890-х гг. на предприятии работало более 60 человек, товарооборот составлял около 25 тыс. руб. в год, средний размер заработной платы – более 90 руб. в год¹⁰.

Одной из главных статей расходов Германского благотворительного общества являлось содержание Дома призрения для пожилых людей и лишенных опеки детей (Armen- und Erziehungshaus), открытого в 1845 г. К 25-летию общества для него было построено благоустроенное трехэтажное здание по Тверской ул., д. 11. Приют представлял собой закрытое заведение, рассчитанное на содержание 70 детей, не имевших родителей (а также детей неимущих родителей) в возрасте от 7 до 15 лет. В школе при приюте дети получали общее образование и хорошую профессиональную подготовку, дававшую возможность впоследствии найти работу в ремесленных и торговых заведениях столицы, а также в частных домах¹¹.

Размещавшаяся в одном доме с приютом богадельня могла одновременно принять до 50 одиноких пожилых людей. Им было обеспечено постоянное медицинское наблюдение, снабжение необходимыми медикаментами, а к началу 1890-х гг. у общества появилась собственная больница. При доме служил священник. В распоряжении опекаемых была библиотека, фонды которой пополнялись безвозмездно предоставлявшимися издателями газетами и журналами. Общее число подопечных приюта и богадельни за первые полвека существования Германского благотворительного общества составило 4 347 человек¹². Затраты на содержание всего благотворительного комплекса в последние десятилетия XIX в. составляли в среднем 13–14 тыс. руб. в год¹³.

Основой формирования бюджета Германского благотворительного общества являлись членские взносы его участников. Согласно уставу, к их числу могли принадлежать «все особы, жертвующие в пользу общества 3 руб. в год или же по 25 коп. ежемесячно в продолжение 12 месяцев»¹⁴. На основании информации кассовых книг можно заключить, что значительную часть членов общества составляли люди с невысоким уровнем доходов. Вместе с тем Германское благотворительное общество получало мощную поддержку со стороны предпринимательских кругов. При том, что основную часть его индивидуальных членов составляли лица немецкого происхождения, на предприятия этот принцип не распространялся: в подписных листах конца XIX – начала XX вв. упоминаются фирмы «Сименс и Гальске», «Миллер и К^о», «Брандт и К^о», страховое общество «Саламандра», а также «Русское страховое общество», страховое общество «Россия», Невская стеариновая фабрика, Калининское медоваренное товарищество, «Лесная торговля А. М. Григорьева»; рядом стоят фамилии братьев Грибш, братьев Елисеевых, И. Ф. Громова, К. Фаберже и других видных представителей делового мира столицы¹⁵.

К началу XX в. совокупный капитал общества составлял, согласно официальной статистике, 226 888 руб.¹⁶ Особой формой помощи обществу со стороны различных предприятий являлось предоставление состоявшим под его опекой лицам товаров и услуг на льготной основе. Так, железнодорожное и пароходное общества помогали при отправке неимущих немцев на родину, Петербургская газовая кампания делала скидку при оплате газа приютом, Русско-американская резиновая мануфактура обеспечивала его воспитанников резиновой обувью, дирекция Финляндской железной дороги предоставляла им возможность бесплатно совершать загородные поездки, аптека Фройенфельда отпускала лекарства за половину стоимости, в типографии Маркса печатались все издания общества и т. д.¹⁷

Поддержанию высокого статуса Германского благотворительного общества способствовало покровительство первых лиц России и Германии. К примеру, в 1904 г., согласно данным финансового отчета, в кассу общества было внесено по 150 руб. от имени императора Николая I и императрицы Марии Федоровны, 1 000 руб. поступило от имени кайзера Германии, крупные суммы были пожертвованы герцогами Баденским, Гессенским, Саксонским, принцем-регентом Баварии, принцем Ольденбургским, регентом Бауншвейга, а также сенатами городов Любека и Гамбурга¹⁸. Таким образом, правлению общества удалось привлечь к его деятельности широкий круг благотворителей различной социальной и национальной принадлежности, что позволяло ему на протяжении более чем семидесяти лет оставаться одним из наиболее значимых элементов системы взаимной социальной поддержки петербургских немцев.

Помимо организаций социальной направленности в Москве и Санкт-Петербурге было представлено множество немецких культурно-просветительских обществ, клубов и творческих союзов, появление которых было вызвано стремлением сохранить культурные традиции, родной язык, национальное своеобразие в условиях инонационального окружения. В отличие от благотворительных учреждений, объединявших в своей деятельности представителей всех слоев немецкой диаспоры, в основе

деятельности большинства организаций клубного типа лежал принцип сословности.

Немецкое дворянство обеих столиц отдавало предпочтение традиционным сообществам российской элиты, таким, как Английский клуб или Благородное собрание; верхушка немецкой буржуазии была представлена среди членов Купеческого клуба. Это обстоятельство отражало общую закономерность, согласно которой верхние слои этнических диаспор наиболее активно идут по пути интеграции в принимающее общество.

Большая часть открывавшихся в Санкт-Петербурге и Москве немецких клубов – таких, как «Санкт-Петербургское немецкое общество 1772 года», «Санкт-Петербургское немецкое общество 1801 года», «Московский немецкий клуб» и другие – ориентировалась на средние слои немецкого населения столиц, предлагая своим членам различные формы проведения досуга (бильярд, кегельбан, шахматы и шашки, карточные игры и т. д.) в кругу соотечественников.

Впрочем, со временем многие из них открыли свои двери для всех желающих и стали интернациональными. Возникший в 1819 г. «Московский немецкий клуб», к середине XIX в. превратившийся в крупнейшее общественное собрание старой столицы, которое посещали более 60 тыс. человек в год, в 1870 г. официально объявил себя открытым для лиц всех сословий и национальностей, включив в устав соответствующее положение. На начало 1870-х гг. среди двух тысяч членов клуба немцев было менее половины. В программе клуба все большее место стали занимать культурные мероприятия, проводившиеся на русском языке – вечера поэзии, концерты, спектакли, среди которых были, в частности, первые театральные постановки К. С. Станиславского¹⁹. Аналогичная ситуация была характерна для «Санкт-Петербургского немецкого общества 1801 года», среди членов которого в 1880-е гг. немцы составляли лишь третью по численности национальную группу.

Той же политики открытости придерживалось и основанное в 1789 г. столичными ремесленниками «Немецкое мещанское ганцевальное общество»: приглашая в свои ряды представителей ремесленных специальностей разных национальностей, оно публиковало внутреннюю информацию одновременно на немецком и русском языках, подписывалось не только на немецкие, но и на русские и французские периодические издания и т. д.

Более однородными в этническом отношении были многочисленные певческие и музыкальные общества, хотя и в их составе встречались участники, а еще чаще – участницы ненецкого происхождения. В Санкт-Петербурге помимо приходских певческих обществ действовали, например, «Певческая академия», мужской певческий союз «Арион», «Общество камерной музыки», «Общество музыкальных педагогов», в Москве – «Общество смешанного хорового пения», «Мужское певческое общество» и другие. Широкую известность за пределами немецкой диаспоры получили любительские хоровые коллективы под названием «Лидертафель» (в дословном переводе – «Песенный стол»), образованные в продолжение существовавших в Германии традиций в целом ряде российских городов, в том числе в Санкт-Петербурге (в 1841 г.) и в Москве (в 1861 г.).

На примере московского общества «Лидертафель» можно проследить, как подобные объединения, зародившиеся

на почве общего увлечения одним из видов искусства, выполняли консолидирующую роль, способствуя установлению и поддержанию неформальных контактов между представителями различных социальных и профессиональных групп внутри городской немецкой диаспоры, а также между немцами, жившими в разных городах России и за ее границами. Не менее важным является и то, что в течение более чем полувека «Лидертафель» не только помогал московским немцам сохранять связь с национальной культурой, но и знакомил с ее лучшими образцами широкие круги русских любителей музыки.

В состав общества входили владельцы промышленных и торговых заведений, а также представители интеллигенции и свободных профессий – инженеры, техники, архитекторы, врачи, учителя, адвокаты, служащие банков, страховых контор и бирж. На начало XX в. две трети из почти пятисот его участников были российскими подданными, одна треть – германскими. Руководили коллективом профессиональные музыканты, среди которых были, например, преподаватель московской консерватории А. Доор, капельмейстер Большого театра Й. Шрабек, дирижер студенческого хора Московского университета В. Мальм, органисты лютеранских и реформатского храмов Й. Барц, М. Петерс, Г. Мюллер. В число почетных членов общества входили известные музыкальные деятели России, Германии, Австрии и Швейцарии – А. Барцал, А. Чижов, М. Брух, Э. Кремзер, Ф. Хегар, а также руководители певческих коллективов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ревеля, Риги. Московский «Лидертафель» поддерживал дружеские связи с немецкими музыкальными обществами из разных городов России, Прибалтики, Финляндии, Польши, Австрии, Швейцарии, Франции, США.

Открытые концерты «Лидертафеля», проводившиеся дважды в сезон в Малом зале Благородного собрания либо в Большом зале Московской консерватории, на которых звучали произведения Ф. Шуберта, Р. Шумана, Ф. Мендельсона-Бартольди, А. Кречмара, К. Вебера и других немецких композиторов, а также сочинения самих участников хора, пользовались огромным успехом у московской публики и получали восторженные отзывы в городской прессе. Свидетельством высочайшего профессионального уровня этого хорового коллектива являлось участие в его выступлениях выдающихся музыкантов – А. С. Аренского, Ф. К. и А. Ф. Гедике, К. Н. Игумнова, А. Б. Гольденвейзера, В. И. Сафонова и других. Ежегодно «Лидертафель» давал и благотворительные концерты, средства от которых шли не только в пользу организаций, оказывавших поддержку членам немецкой диаспоры, но и на помощь голодающим крестьянам, раненым в годы русско-японской войны солдатам, заключенным в тюрьмы и другим нуждающимся без различия их национальности и вероисповедания²⁰.

Таким образом, деятельность «Лидертафеля» вышла далеко за первоначальные рамки любительского творчества в дружеском кругу и стала заметным явлением в музыкальной и общественной жизни Москвы.

Во второй половине XIX в. у московских и петербургских немцев появляется все больше объединений универсального характера, соединявших в своей деятельности оказание социальной поддержки и предоставление возможностей для интеллектуального и физического развития, культурного досуга.

Широкой известностью в Санкт-Петербурге пользовалось, к примеру, общество «Пальма», возникшее в 1863 г. как клуб подмастерьев немецких ремесленных мастерских и превратившееся со временем в насчитывающую более 700 членов, обладавшую разветвленной структурой организацию, включавшую в себя физкультурную, стрелковую и шахматную секции, несколько певческих кружков, любительский театр, школу рисования, общеобразовательную воскресную школу. При обществе работали ссудная и сберегательная кассы, его членам оказывались услуги по страхованию, помощь в трудоустройстве. Общество «Пальма» позиционировало себя как союз российских граждан немецкого происхождения, всемерно подчеркивая отсутствие в своей деятельности прогерманских либо националистических черт. Руководство союза стремилось облегчить интеграцию членов немецкой диаспоры в российское общество, предоставляя им возможности для изучения русского языка. В то же время оно выступало против ассимиляции, «обрусения» петербургских немцев и в связи с этим – против смешанных браков. Вызывавшие большое стечение публики мероприятия общества – концерты, праздники, спектакли – становились своего рода «ярмаркой невест», способствуя, таким образом, заключению браков между молодыми людьми из немецкоязычной среды¹.

Появление в 1870-х гг. на европейской карте единого германского государства способствовало подъему национального чувства, росту патриотизма среди немцев, живших вне границ Германии. На этой патриотической волне, в стремлении подчеркнуть свою принадлежность к немецкой нации, в разных городах России формируются общества, специально ориентированные на объединение в своих рядах немцев, сохранявших германское подданство. Так, в 1879 г. в Москве образовался «Союз подданных Германской империи для помощи нуждающимся соотечественникам», состоявший под патронажем кайзера Германии и его супруги; в 1886 г. «Союз подданных Германской империи» был организован и в Санкт-Петербурге. Хотя формально целью этих обществ являлось оказание материальной помощи находившимся в России «имперским немцам», более существенную задачу их руководство видело в поддержании сплоченности и внутреннего единства оторванных от родины подданных Рейха, в формировании у них чувства сопричастности к политической жизни Германии. Вместе с тем, несмотря на усилия руководства, численность этих обществ была невелика: в петербургский союз, например, входила лишь одна десятая часть проживавших в городе подданных Германской империи.

Более широкий отклик вызвал призыв немецких общественных и религиозных деятелей к объединению всех выходцев из Германии на основе общих культурных и нравственных ценностей.

В Москве шагом на пути к реализации этой идеи стало создание в 1907 г. «Московского немецкого союза», видевшего свою задачу в том, чтобы «сохранять немецкое самосознание», «беречь, защищать и умножать немецкую культуру» и приглашавшего в свои ряды всех московских немцев, независимо от их гражданства². В Санкт-Петербурге в 1906 г. было создано «Германское образовательное и благотворительное общество», целью которого являлось удовлетворение культурных, образо-

вательных и социальных потребностей немецкого населения, в том числе поддержка существующих и открытие новых благотворительных заведений, школ и библиотек, содействие деятелям науки и культуры, а также основание «Немецкого дома» – центра сотрудничества всех немецких общественных организаций города.

Этим союзам удалось стать самыми многочисленными среди немецких объединений Москвы и Санкт-Петербурга. Каждый из них насчитывал в своих рядах более двух тысяч членов, большую часть которых составляли лица свободных профессий и представители промышленных и предпринимательских кругов. Особенно обширным было поле деятельности петербургского союза, содержавшего на свои средства две начальные школы, детский сад, библиотеку, а также координировавшего работу множества секций спортивной, творческой, научной, литературной, социальной направленности. Вместе с тем, по прошествии нескольких лет после основания руководство общества вынуждено было признать, что главная цель – мобилизация под его знаменем всех групп немецкого населения столицы – не была достигнута.

Ухудшение отношений между Россией и Германией, начавшееся в последние десятилетия XIX в., поставило общественные организации «имперских немцев» в сложное положение. Созданные для объединения подданных Германского рейха, они в то же время должны были всячески демонстрировать свою лояльность по отношению к российскому престолу. В своих речах и выступлениях в прессе их лидеры всемерно подчеркивали, что, считая своей родиной Германию, немцы питают глубокую благодарность к России, гостеприимно встретившей их и предоставившей широкие возможности для разносторонней деятельности.

Тем не менее, по мере нарастания российско-германских противоречий власти России все с большим предубеждением относились к немецким обществам. Так, в 1912 г. по указанию Министерства внутренних дел с целью контроля были составлены списки членов всех немецких объединений Санкт-Петербурга, в том числе существовавших при лютеранских храмах.

Начало Первой мировой войны положило конец не только деятельности немецких общественных организаций, подлежавших закрытию согласно указу от 21/22 октября 1914 г., но и самому существованию многотысячной немецкой диаспоры российских столиц, игравшей на протяжении столетий заметную роль в экономической, социальной и культурной жизни Москвы и Санкт-Петербурга.

1 В основу статьи положена ранее опубликованная работа автора. Бахмутская (Лебедева) Е. В. Общественная жизнь российских немцев // Немцы в России / Ред. Г. И. Смагина. СПб., 2004. С. 226–237.

2 См.: Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 37.

3 Подробнее см., напр.: Полков В. Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003; Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Указ. соч.; Полоскова Т. Н. Современные диаспоры: (Внутриполитические и международные аспекты). М., 1999 и др.

4 См.: Die evangelisch-lutherischen Gemeinden in Russland: Eine historisch-statistische Darstellung. SPb., 1909. Bd. 1. S. 5, 12.

5 См.: Буш М. Немцы в Петербурге в 1865–1914 гг. Самосознание и интеграция // Немцы в России: Люди и судьбы. Сб. статей. Отв. ред. Л. В. Славгородская. СПб., 1998. С. 74.

6 См.: Busch M. Deutsche in St. Petersburg 1865–1914. Essen, 1995. S. 94.

- 7 См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб), Ф. 378. Оп. 1. Д. 1–91.
- 8 Устав Германского благотворительного общества в Санкт-Петербурге, СПб., 1898. С. 3.
- 9 См.: Sankt-Petersburger Zeitung. 1893. № 44.
- 10 Ibid.
- 11 См.: ЦГИА СПб. Ф. 378. Оп. 1. Д. 2, 5.
- 12 См.: Там же. Д. 18.
- 13 См.: Там же. Д. 12. Л. 14 об., 28, 33 об.
- 14 Устав Германского благотворительного общества... С. 4.
- 15 См.: ЦГИА СПб. Ф. 378. Оп. 1. Д. 4, 33.

- 16 См.: Благотворительность в России. Т. 2. СПб., 1907. С. 475.
- 17 См.: ЦГИА СПб. Ф. 378. Оп. 1. Д. 12.
- 18 См.: Там же. Д. 33. Л. 14.
- 19 См.: Келлер А. Немцы в Москве XVI – начала XX в.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М., 1997. С. 80–87.
- 20 См.: Томан И.Б. Московский «Лидертафель» (из истории музыкальной культуры московских немцев второй половины XIX – начала XX в.) // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. С. 316–336.
- 21 См.: Busch M. Deutsche in St. Petersburg... S. 101–105.
- 22 См.: Келлер А. Указ. соч. С. 93.